

© 2008 г.

Д. ВОЙНИЧ

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ В ЮГОСЛАВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX века

Автор принадлежит к ученым экономистам, имеющим весьма длительную реформаторскую традицию и принимавшим участие во всех крупных переломных событиях, происходивших в Югославии. В центре его внимания крупная общественно-экономическая реформа 1965 г. в Югославии и как ее продолжение "Долгосрочная программа экономической стабилизации" 80-х годов XX в.

Вспышка балканского национализма, к сожалению, сделала невозможным плюрализм и демократизацию модели самоуправленческого социализма, а с упразднением рынка и демократии как основных институтов нашей цивилизации страны реального социализма вступили в кризис.

Об этом в разных странах написаны многочисленные исследования. Однако большинство из них ограничивается анализом отдельных сторон этого явления. Исследования, в которых предпринимаются попытки дать целостный взгляд на причинно-следственные связи, весьма редки. Особенно это касается тех монографий, авторы которых были участниками и свидетелями данных событий. Группа ученых, принимавших участие в разработке реформ в переходный период, собравшихся на международную конференцию в Москве в Институте международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН в 2000 г., особо указала на эти факты, равно как и на необходимость принятия соответствующих мер для восполнения имеющегося пробела, так как это касается не только критической оценки проблем, возникающих в процессе реформ и переходного периода, но и сбора материала

Данные заметки не претендуют на полноту исторических оценок. Это лишь попытка рассказать о событиях, свидетелем которых был автор, для изучения нашей новейшей экономической истории¹.

Таких авторов, которые могут писать о проблемах реформы и переходного периода как участники и свидетели данных событий, становится все меньше. Экономический институт в Загребе находился на территории бывшей Югославии и теперь остался в границах самостоятельной Республики Хорватии как центральный научный институт реформаторской ориентации. Такую ориентацию института знали и считались с ней все: ученые, политики и государственные деятели. Политические и государственные структуры, а также научные круги, с самого начала реформы признали морально-политический и научный авторитет К. Глигорова – человека замечательных качеств, который был и, к счастью, остался политиком, государственным и ученым. Он действовал как человек общепринятых социал-демократических взглядов, с которым в течение многих лет профессор Р. Ланг и я – как директор института и как его друг – постоянно

Войнич Драгомир – член-корреспондент Хорватской академии наук и искусств, научный советник Экономического института в Загребе.

¹ Post-Socialist Countries in the Globalizing World. Moscow, 2001.

работали над проблемами реформы. К этому сотрудничеству подключились и другие известные ученые из Экономического института в Загребе.

Наше деловое сотрудничество с Глигоровым началось еще в далеком 1962 г., когда была создана Союзная комиссия по вопросу паритета динара. Перед комиссией во главе с Глигоровым стояла задача подготовки реформы 1965 г.²

4 ноября 2005 г. хорватское общество экономистов организовало международную конференцию на тему "15 лет переходного периода". Основным докладчиком на конференции был Глигоров. Как во время уже упоминавшейся нами международной конференции в Москве в 2000 г., так и во время этой конференции ветераны реформаторы указывали на необходимость предоставить свои свидетельства о значительных – особенно переломных – событиях в период реализации реформы на практике.

Экономический институт в Загребе в течение многих лет был известен в международных научных кругах своей реформаторской ориентацией и активностью на международной арене. Наш институт осуществлял международное научное сотрудничество особенно с двумя институтами подобной научной ориентации в Европе и одним в США. Первые два – это Венский институт сравнительных исследований и Институт международных экономических и политических исследований РАН в Москве. Институт такой же направленности в США – это Центр югославско-американских исследований и научного обмена при государственном университете во Флориде.

Все три указанных Института были созданы для проведения сравнительных исследований в области реформ и переходного периода. Благодаря стечению обстоятельств, Экономический институт в Загребе прямо или косвенно влиял на создание и работу этих институтов. В течение многих лет я привлекался Венским институтом в качестве международного советника, координирующего работу двух крупных международных проектов. Один из них в годы реформ разрабатывал тему "Европейское экономическое сотрудничество Восток – Запад", а второй в переходный период – "Европейское экономическое сотрудничество и интеграция".

На основе проектов, обсуждавшихся на международных конференциях в ряде стран Европы и США, издательством "Мак Милан" в Лондоне опубликовано много книг.

В Венском институте сравнительных исследований и в Центре югославско-американских исследований при государственном университете Флориды я в течение многих лет был Председателем совместного совета, который координировал работу этих организаций. Директором Центра был профессор Дж. Мацесич, в течение длительного времени изучавший самоуправленческий социализм в Югославии и жизненный путь И. Броз Тито. Многие работы американского Центра в области международной экономической деятельности опубликованы в журнале Центра "Труды и документы" и в книгах, вышедших в Нью-Йорке в издательстве "Прэгэр". В Институте международных экономических и политических исследований в Москве я вместе с академиком О.Т. Богомоловым – директором этого института – координировал международные проекты³. Результаты исследований опубликованы во многих книгах, изданных в Москве издательством РАН.

В рамках указанных проектов вышли многие работы этих авторов. В период реформы в их трудах затрагивались проблемы реального социализма и самоуправленческого социализма.

Как возник реальный социализм, в большей или меньшей степени, известно всем. Однако как возникли идейно-теоретические и концептуальные основы самоуправленческого социализма известно гораздо меньше или неизвестно вообще. Письменных документов на эту тему весьма мало (если они вообще есть), а живых свидетелей еще мень-

² Реформаторские взгляды К. Глигорова наложили отпечаток на реализацию реформы на практике и на подготовку переходного периода: *Essays on the Yugoslav Economic Model*. New York, 1989.

³ Стоит напомнить, что в работе упомянутой международной конференции 2005 г. "15 лет переходного периода" участвовали Богомолов и Мацесич.

ше (если они вообще есть). Это означает, что в основном существуют устные свидетельства о важнейших событиях и свидетельства тех авторов, которые с добрыми намерениями написали критические статьи о реальном социализме. Благодаря стечению обстоятельств, у меня была возможность не только наблюдать за ключевыми событиями по реформированию реального социализма, но и участвовать в них.

Первый вопрос, на который необходимо попытаться дать ответ или хотя бы высказать некоторые предположения, – кто и благодаря какому стечению обстоятельств дал импульс возникновению и развитию самоуправленческого социализма.

ПРОТИВНИКИ И СТОРОННИКИ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Общеизвестно, что кризис реального социализма возник из-за ликвидации двух основных институтов современной цивилизации – рынка и демократии, а поэтому возникновение антирыночного догматизма или антирыночной идеологии является своеобразным естественным следствием этого.

Реальный социализм мог преодолеть возникший кризис лишь с помощью уступок рынку и демократии, но любая такая попытка означала бы крушение уже созданных механизмов всей центральной власти и контроля за всем происходящим. Поэтому развитие и функционирование всех механизмов и сегментов системы, которую обычно называют "сталинской", не оставляли никаких шансов для развития рынка. Так антирыночная идеология вошла в самую основу идеологии "сталинизма". Выступать в защиту рынка означало подрыв основ социализма.

Однако антирыночная идеология ложилась тяжелым бременем на экономику. Вопреки относительно хорошему уровню образования интеллигенции, не использовались не только собственные фундаментальные знания, но стало все труднее применять как зарубежные знания, так и передовые западные технологии. Уровень жизни населения был намного ниже объективно возможного. Сельское хозяйство, которое могло снабжать зерновыми всю Европу, было не в состоянии прокормить собственное население. Постоянно ощущалась необходимость проведения рыночных реформ.

Но инициаторов проведения реформ в такой ситуации не только не было, но и не могло быть. На Западе уже были весьма известные ученые, критиковавшие реальный социализм (А. Лернер, О. Ланге), но широкому кругу ученых их взгляды были недоступны⁴. Им были известны лишь решения высших партийных форумов, направленные на борьбу с "вражеской пропагандой". Критические замечания в адрес реального социализма высказывали бывший руководитель радиостанции Коммунистического Интернационала в Загребе И. Краячич-Стево, позже – председатель Хорватского собора (парламента), а также его помощник и шифровальщик радиостанции И. Фабинц – известный позднее как видный ученый-экономист, профессор, ректор Университета в Любляне и член Президиума Республики Словении. По сути, Краячич первым ознакомился с директивой Сталина о том, что "Вальтера (Тито. – Д.В.) следует призвать к порядку". Он передал содержание этой директивы Тито, и с этого момента началась их крепкая дружба до конца жизни. О событиях вокруг радиостанции "Коммунистического Интернационала" Краячич старался не говорить. Все, по его мнению, сводилось к тому, что у Тито в отличие от Сталина были иные взгляды на развитие социализма.

И хотя ученые, экономисты-реформаторы не могли располагать непосредственной информацией об идейных основах возникновения самоуправленческого социализма, все-таки их суждения сводились к одному и тому же, а что касается советских ученых, то максимум информации о состоянии дел реального социализма я получил во время пребывания в октябре – ноябре 1962 г. в Институте экономики АН СССР, где была одобрена идея о развитии самоуправления.

⁴ Lange O. Papers in Economics and Sociology. Oxford, 1970; *idem*. Political Economy. Oxford, 1971.

Я окупился тогда в среду молодых, хорошо образованных ученых-экономистов, ярких сторонников идеи самоуправления. Укажу лишь на некоторые имена. Самым большим энтузиастом был Г.С. Лисичкин, который много лет спустя во времена М.С. Горбачева стал членом комитета по региональной политике в Верховном Совете. По его просьбе летом 1990 г. я выступил с докладом в его комитете. Но вернемся в 1962 г. в Институт экономики. Кроме уже упомянутого Лисичкина энтузиастами реформ были и другие молодые ученые, с которыми я тесно контактировал.

Тема идейно-теоретических основ самоуправленческого социализма вызывала огромный интерес у большинства ученых-экономистов, занимавшихся сравнительными исследованиями в странах Запада и США. Я имел возможность убедиться в этом особенно в Англии и США. За время моего пребывания в Лондонской школе экономики еще студентом в 1957–1958 гг. я посещал лекции левого лейбориста Э. Бивена в студенческом клубе о его понимании самоуправленческого социализма. Он считал, что модель самоуправленческого социализма обеспечивает позитивные сдвиги в соотношении труда и капитала в смысле изменения положения работника, т.е. его трансформации из объекта в субъект и утверждал, что эта модель в условиях Великобритании функционировала бы намного лучше. Свою позицию он подробно объяснил в беседе со мной, состоявшейся после лекции. Он все сводил к демократическим традициям, более высокому уровню общественного сознания и гораздо лучшему образованию среднего человека.

Такие же суждения высказывали многие известные политики и ученые-экономисты. Среди политиков особо выделялся В. Брандт. В 1969–1974 гг. он был канцлером Германии и много раз, находясь с визитом в Югославии, посещал меня как директора Экономического института в Загребе и неоднократно советовал мне, чтобы большая часть валютных сбережений югославов, работавших в Германии, переводилась в банки нашей страны. Оба упомянутых мною государственных деятеля (как и многие другие выдающиеся представители левой ориентации) считали, что самоуправленческий социализм – это реакция Тито на общий кризис реального социализма. Подобные же оценки я слышал от ученых-экономистов, занимавшихся в США сравнительными исследованиями с особым акцентом на модель самоуправленческого социализма. В 1967–1968 гг. я был в научной командировке в США в качестве профессора в Государственном университете в Калифорнии. В это же время там находился профессор Б. Уорд, который изучал модель самоуправления. Вместе с ним, занимаясь этой же темой, известность получили профессор Г. Гроссман и К. Ландауэр. Они были весьма заинтересованы в беседах со мной, но и для меня эти разговоры были весьма полезными.

Большой интерес к сравнительным исследованиям самоуправленческого социализма проявили ученые-экономисты более молодого поколения. Из шести представителей докторантуры, кто занимался этой тематикой и объединился вокруг Б. Уорда, хочу особо отметить Л. Тайсон (затем она возглавила Совет экономистов в администрации президента Б. Клинтона) и С. Сакса, который позже приехал в Экономический институт в Загребе, где и защитил докторскую диссертацию. Большую пользу мне принесло знакомство, а позднее многолетняя дружба с А. Лернером. Могу утверждать, что его работы задали определенный тон и повлияли на критику реального социализма⁵. В беседах с советскими экономистами, особенно в Москве и в Новосибирске, я имел возможность убедиться в том, что Лернер оказал и на них большое влияние. Лернер верил, что его влияние через Тито непосредственно способствовало появлению у советских экономистов идеи самоуправления.

Разумеется, воздействие Лернера было особенно значительным на экономистов Югославии и сказалось на развитии нашей экономической мысли в вопросе самоуправления. Достаточно указать на "Политическую экономию социализма" Б. Хорвата. То же самое можно сказать и в отношении моих работ. Позже я регулярно встречался с

⁵ Одна из самых известных работ А. Лернера: *Lerner A. Economics of Control. Principles of Welfare Economics*. New York, 1944.

Лернером, когда приезжал в Государственный университет во Флориде. В 80-е годы XX в. в период проведения наших крупных реформ Лернер, представлявший Центр югославо-американских исследований, был весьма активен в анализе и оценке реформ у нас в стране.

Именно Лернер был одним из известных ученых Запада, кто большое внимание уделял развитию предпосылок для проведения фундаментальных реформ социализма. Благодаря ему Тито сумел увидеть основные причины кризиса реального социализма. В конечном счете модель самоуправленческого социализма возникла не совсем стихийно и не совсем случайно. На практике она начала осуществляться в начале 50-х годов XX в. Но некоторые из научных основ самоуправленческого социализма, распространившихся в мире, впервые появились в Лондонской школе экономики во главе с Лернером еще в 30-е годы XX в. Следует назвать еще одного видного ученого, занимавшегося проблемами теории и практики развития модели самоуправленческого социализма. Это профессор Р. Ланг, возглавлявший в течение многих лет Экономический институт в Загребе. Он сопровождал Тито в Италию летом 1944 г. на встречу с У. Черчиллем. Тито выбрал Ланга как партизана и охранника (с согласия Черчилля он был даже вооружен) и как человека больших интеллектуальных способностей, который говорил на всех ведущих европейских языках мира. К тому же Ланг уже в то время хорошо знал основы политической экономии. Они провели вместе несколько дней. Кроме встречи с Черчиллем Тито и Ланг целый день осматривали Рим и Ватикан. Тито был восхищен архитектурой и искусством Ватикана. Разговаривали они и на другие темы. И, как я узнал из бесед с Лангом, у Тито уже тогда были иные взгляды на развитие социализма, чем в СССР.

Точку зрения Тито на развитие социализма и появление концепции самоуправленческого социализма лучше всего поняли и интерпретировали его ближайшие сотрудники, с которыми мне довелось лично контактировать. Это прежде всего В. Бакарич, Эд. Кардель и К. Глигоров, а также более молодые его сотрудники Т. Бадовинац и М. Трипало, собирающийся написать об этом. Взгляды Тито на социализм наложили отпечаток и оказали влияние на реформы в Югославии и на общественно-политические события в мире, в частности, на возникновение Движения неприсоединения и на развитие международных отношений в годы "холодной войны".

Н.С. ХРУЩЕВ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

В начале 50-х годов XX в. в СФРЮ начала создаваться система рабочего самоуправления, получившая название самоуправленческий социализм. В СССР новое советское руководство во главе с Хрущевым сразу же после смерти Сталина весьма быстро осознало необходимость проведения определенных реформ. Но они были невозможны без создания условий для функционирования рынка и демократии, особенно демократических шагов в сфере экономики. Поскольку в Югославии к тому времени уже были достигнуты определенные успехи в проведении реформ, последовали политические переговоры высшего руководства СССР с Тито.

25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС Хрущев выступил с докладом, в котором жестко критиковал Сталина и преступления сталинизма. Он при этом вспомнил об одной встрече, на которой Сталин, критикуя Тито, сказал, что стоит ему только пошевелить мизинцем и Тито не станет. Однако, как выразился Хрущев, Сталин шевелил всем, чем мог, но Тито все-таки остался.

Хрущеву удалось, опираясь на все возраставшую политическую поддержку на начальном этапе проведения реформ, добиться определенных успехов в борьбе с противниками рыночных отношений. Дружеские отношения с югославским руководством и особенно с Тито оказали большое влияние на взгляды Хрущева на реформы. Советское правительство приняло политическое решение о проведении реформы по модели рабочего самоуправления. Политическая и научная подготовка проводилась в конце 50-х —

начале 60-х годов XX в. Было решено подготовить соответствующие документы к пленуму ЦК КПСС, намеченному на ноябрь 1962 г.

Благодаря стечению обстоятельств я в качестве гостя Института экономики АН СССР принимал участие в подготовке документа к этому пленуму. Речь шла как раз о введении рабочего самоуправления. В то время меня причисляли к ведущим экономистам-реформаторам. Я закончил аспирантуру в Лондонской школе экономики, где особенно высоко оценивали труды известного критика реального социализма Лернера, с которым я был в дружеских отношениях. Тогда же Глигоров включил меня в свою группу по проведению реформы у нас в стране. Над этой проблемой в течение ряда лет весьма успешно трудились многие известные ученые-экономисты, в том числе и наш Экономический институт в Загребе. В 1962 г. правительство Югославии включило меня в Союзную комиссию по проблеме паритета динара. Вследствие этих обстоятельств и бесед Тито с Хрущевым часть октября и ноября 1962 г. я провел в уже упомянутом мною Институте экономики в Москве, участвуя в работе экспертной группы над документами по экономической реформе к предстоящему пленуму. Хрущев внимательно следил за тем, чтобы в готовящихся материалах не было даже намека на критику взглядов противников рыночных отношений. Речь в документах шла не о рабочем самоуправлении и рабочих советах, а о "производственных комитетах", задача которых заключалась в оказании большей помощи рабочим по управлению производством. Создание "производственных комитетов", конечно, создавало предпосылку для устранения плано-централизованной системы народного хозяйства.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в документах четко просматривалась мысль о том, что постепенно рынок должен заменить планирование. От решений этого пленума, которому суждено было сыграть историческую роль, общественность ожидала очень многого, но в принятых решениях ничего нового не сообщалось, кроме традиционного заявления о "важности" пленума. В определенной степени такой подход отвечал установке не спровоцировать преждевременно противников рыночных отношений. Все, кто участвовал в подготовке документов, с огромным волнением ожидали, как будут развиваться события. Хозяева оказывали мне большое внимание не только по долгу дружбы, но и по протоколу. Меня принимал академик Т.С. Хачатуров (в 50–60-е годы он заведовал сектором капитального строительства в Институте экономики АН СССР), старавшийся оказать мне максимум внимания в рамках Академии наук, а также выдающийся ученый академик С.Г. Струмилин. В ноябре во время празднования 45-летия Великого Октября состоялся военный парад на Красной площади, и я стоял на трибуне Мавзолея Ленина, где находились советские лидеры во главе с Хрущевым. Затем я был приглашен на торжественное заседание ЦК партии и правительства, состоявшееся в Кремлевском Дворце Съездов, построенном как раз накануне исторического XX съезда КПСС в 1956 г. В своем выступлении Хрущев кратко сказал о предстоящем пленуме, но достаточно подробно остановился на Карибском кризисе, который в то время был в разгаре. Словом, мне уделялось максимально возможное внимание и проявлялась всяческая забота. Это было напрямую связано с огромными ожиданиями от предстоявшего пленума.

Но этим ожиданиям не суждено было осуществиться. Слишком сильными были антирыночные настроения у партийного аппарата. Подготовленные документы не были приняты. Это было начало конца Хрущева. Общественность никогда это не комментировала. Однако из-за сложившейся в стране атмосферы больших надежд и ожиданий, как это следовало ожидать, не состоялось.

Было сказано, что для более эффективного развития народного хозяйства обкомы КПСС разделяются на промышленные и сельскохозяйственные. Но партийная бюрократия делала все, чтобы торпедировать это решение, и через два года, после снятия Хрущева, все было возвращено на круги своя. Академик О.Т. Богомолов, который был советником многих советских политиков, включая и М.С. Горбачева, позже говорил мне о том, что в последующие годы были предприняты еще две попытки реформ, но и они оказались неудачными. Борьба с противниками рыночных отношений продолжалась долгие годы, но она не носила масштабного характера и не привела ни к каким ре-

зультатам. В большинстве экономических институтов Академии наук, особенно в Москве и Новосибирске, работа над моделями реформ включала и функционирование рынка. Но на практике никаких важных подвижек не произошло. Такая ситуация сохранялась вплоть до начала переходного периода.

Я принимал участие в международной научной конференции, состоявшейся в июне 1990 г. в ИМЭПИ. Она была посвящена проблемам переходного периода, и я хорошо помню, как советники Горбачева – О.Т. Богомолов и А.Г. Аганбегян – указывали на насущную потребность плюрализма не только в политическом устройстве, но и в области экономики. Известно, однако, что более чем необходимые подвижки в направлении плюрализма рынка не были сделаны и реформа началась без какой-либо подготовки рынка, в частности введения в нее рыночных механизмов. Результаты известны. Случилось то, о чем Богомолов и Аганбегян предупреждали и чего опасались. Начался хаос и разгул мафии. Мое постоянное участие во всех важнейших реформаторских событиях, происходивших в СССР, дает мне основание сделать вывод, что Хрущева и Горбачева погубил рынок, но на основе разных причинно-следственных связей и отношений. Хрущев недооценил антирыночные силы, а Горбачев, вероятно, имея перед собой пример Хрущева, напротив, переоценил эти силы.

Неудачи Хрущева и Горбачева толкнули реформы в нежелательном направлении. На эту тему я неоднократно беседовал с Богомоловым и другими сторонниками реформы во время упомянутой конференции в 2000 г. в Москве⁶. Эти же проблемы я затрагивал в беседе с Богомоловым во время его пребывания в Загребе 4 ноября 2005 г. на международной научной конференции, которую организовало хорватское общество экономистов по случаю моего 80-летнего юбилея.

Экономический институт в Загребе в 2005 г. провел "круглый стол" по проблемам переходного периода в России и Хорватии, в котором принимали участие директор ИМЭПИ РАН профессор Р.С. Гринберг, заместитель директора С.П. Глинкина и заведующая Центром стран Центральной и Восточной Европы Н.В. Куликова. Если говорить коротко, реформы в России тогда провалились, но дружеские связи и постоянное научное сотрудничество с российскими учеными-экономистами сохранились. Вместе с тем хотелось бы отметить, что после ноябрьского пленума КПСС 1962 г. в некоторых восточноевропейских социалистических странах были созданы более благоприятные условия для реализации реформаторских планов на практике и борьбы с противниками рыночных отношений. Я лично участвовал в разработке реформ в Чехословакии и Польше⁷.

Российские ученые, особенно в 80-е годы XX в., весьма активно работали над экономическими реформами. В этом им оказывали помощь научные и другие институты, особенно Венский институт сравнительных исследований и наш институт в Загребе. В 1988 г. они подготовили два международных совещания: одно – в Загребе, другое – в Берлине. В том же году при значительной поддержке Экономического института в Загребе было проведено международное совещание в Таллинне. В 1989 г. в Москве прошла конференция Международной экономической ассоциации под названием "Рыночные силы в плановой экономике".

Год спустя в 1990 г. были предприняты аналогичные попытки: как раз во время начала переходного периода Институт международных экономических и политических исследований АН СССР при содействии Экономического института в Загребе провел конференцию по проблемам реформы и переходного периода. Богомолов и Аганбегян

⁶ Для этой конференции я подготовил реферат: "Глобализация и Центрально-европейские страны в переходный период на примере Хорватии". В нем я указал на различия причинно-следственной связи мафиозных явлений в России и Хорватии. – Постсоциалистические страны в глобализационном мире. М., 2001, с. 290–309.

⁷ В 1978 г. в Чехословакии я участвовал в работе Комиссии по реформам во главе с премьером Л. Штроугалом. В 1981 г. в Польше выступал на съезде польских экономистов.

вновь настаивали на проведении реформы в сфере рынка, но их усилия ни к чему не привели. В результате хаос, анархия и мафия были неизбежны.

Я вспоминаю свои встречи с академиком Т.С. Хачатуровым в Москве в ноябре 1962 г., о чем я писал выше. Через два года он был моим гостем в Загребе в 1964 г., как раз во время снятия Хрущева с поста. Мы вместе завтракали в отеле "Палас". После завтрака он очень осторожно спросил, знаю ли я о последних новостях из Москвы. Когда я сказал ему, что Хрущев сложил свои полномочия, он тихо произнес: "Теперь все пропало". В качестве гостя нашего института он должен был задержаться на две недели, однако на следующий же день срочно отбыл в Москву. На протяжении всех последующих лет я вспоминаю эти слова академика Хачатурова. Конечно, снятие Хрущева привело к драматическим последствиям. Обо всем этом подробно писали ученые-экономисты и реформаторы. Но затем в течение ряда лет писать об этом стало непопулярно и даже опасно.

По оценкам экономистов и моим личным в связи с падением Хрущева предстояла жесткая борьба со сторонниками рыночных отношений. Следует отметить, что тогда же происходили и другие международные политические и военные события, безусловно, влиявшие на процессы хрущевских реформ, но на них мало обращали внимание и об их влиянии на ход этих реформ мало писали. Речь идет о Карибском кризисе. Мы намного больше узнали об этом благодаря показанному по телевидению в 2005 г. фильму "Тринадцать дней". И хотя многие причинно-следственные связи реформаторских процессов во времена Хрущева были и остались покрыты завесой тайны, все-таки о некоторых из них следует сказать, чтобы в полной мере оценить их возможное влияние на дальнейший ход развития СССР: дилемма – антирыночный догматизм или военно-стратегический престиж (или первое и второе) – никогда не была преодолена.

Ноябрьский пленум ЦК КПСС 1962 г., от которого столько ожидали, готовился и проводился в весьма напряженной и противоречивой международной обстановке. Тяжесть этой ситуации и даже страх перед ней я пережил лично, поскольку в эти дни, о которых драматично рассказано в упомянутом фильме, я был в Москве, где работал над подготовкой материалов к предстоящему пленуму. Мне хотелось бы особо подчеркнуть, что это было самое крупное военное и политическое столкновение двух сверхдержав и оно произошло как раз в октябре 1962 г. во время подготовки пленума, от которого столь много ожидали. Каким образом последствия этих событий повлияли на соотношение сил сторонников и противников рыночной экономики в высшем эшелоне советской власти, разумеется, никто не знает, или, по крайней мере, об этом открыто никто не писал, но то, что антирыночники-догматики могли при желании воспользоваться этой ситуацией – не подлежит сомнению. Однако, как формировались реальные идейно-политические отношения и в чью пользу склонялась чаша весов, нам более-менее понятно. Но вот что менее всего ясно: почему и под влиянием каких сил эти отношения сформировались именно так и почему Хрущев вынужден был уйти с политической сцены? Все мы, кого интересуют ответы на данные вопросы, имеем обо всем этом свои представления, но осветить в полной мере все происшедшее тогда пока еще никто не сумел. Я надеюсь, что, может быть, мои друзья, советники Горбачева, когда-нибудь выскажутся об этом несколько подробнее. Однако сейчас можно констатировать: процессы демократизации и переходного периода протекали бы сегодня в более благоприятной обстановке, если бы были реализованы хрущевские реформы.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В ЮГОСЛАВИИ 1965 г.

Результаты общественно-экономического развития страны в целом за первые 10 лет самоуправления были реальной основой для дальнейшего проведения реформ. В начале 60-х годов XX в. началась большая подготовка к проведению широкомасштабной общественно-экономической реформы. В начале 50-х годов после завершения послевоенного восстановления страны началось весьма динамичное развитие экономики. В 1953–1960 гг. темпы роста общественного производства (имеется в виду только материальное

производство) составили в Югославии – 8,9%, а в Хорватии – 9%. Динамичный рост продолжался и в 60-е годы. Темпы роста общественного производства за 10 лет составили в среднем 6,3%. Это был период широкой индустриализации, которая дала возможность Хорватии вместе с бывшим совместным государством в 70-е годы XX в. войти по оценкам ООН в десятку новых промышленных стран.

Формальная подготовка реформы 1965 г., как уже отмечалось выше, началась в Югославии с создания Союзной комиссии по паритету динара во главе с К. Глигоровым. Уже само название комиссии говорит об основных задачах и грандиозных планах реформы. А это значит, что они заключались в дальнейшем развитии рыночной экономики на основе самоуправления с особым акцентом на все большую открытость миру и развитие модели открытой экономики.

Достигнутый уровень развития рыночных механизмов и отношений (ярко выраженный относительно рынка товаров и услуг и менее выраженный в более широком смысле), в равной мере как и достигнутый уровень децентрализованного принятия решений не только на предприятиях, сам по себе ставил вопрос о плюрализме и демократизации политических и экономических отношений в Югославии. Это было вполне понятно и происходило благодаря постоянному укреплению самоуправления, децентрализованному принятию решений, демократизации экономики и политическому федерализму со все возрастающими признаками того, что в конечном итоге страна постепенно трансформируется в конфедерацию.

Когда я говорю об этом, то имею в виду, что Тито как политический деятель уже в первые 10 лет развития бывшего общего государства понял, что единственно возможный путь – это конфедерация, т.е. союз самостоятельных государств, которые только таким образом могут стать полностью самостоятельными. Такие же суждения высказывали ближайшие его соратники, в частности Эд. Кардель и В. Бакарнич. При этом не столь важно, считал ли кто-либо из наших выдающихся деятелей (Ю. Стросмайер, Л. Гай, С. Радич и др.), что Югославия – это искусственное образование или она является родиной всех югославских народов. Лично я, как многолетний директор Экономического института в Загребе и председатель Союзного экономического совета, имел возможность ознакомиться с конфликтными ситуациями, с которыми сталкивалось бывшее общее государство. Речь идет прежде всего о значительной разнице в уровне развития отдельных республик и краев, об их многонациональном характере, различиях исторического наследия, религий и всего остального, что всем известно.

События, происходившие в начале 90-х годов XX в. в самом начале реформ и во время взрыва балканского национализма, показали политическую дальновзоркость Тито, которая особенно ярко проявилась в создании Конституции 1974 г. На основе положений Конституции 1974 г. комиссия Р. Бадинтера приняла известные всем решения о самостоятельности республик в границах Антифашистского вече народного освобождения Югославии, созданного еще в 1942 г. Отметим особо, что вся концепция общенародной обороны и общественной самозащиты (над которой работал и генерал Ф. Туджман, в последующем президент Хорватии), в конечном счете должна была привести к самостоятельности республиканских армий. Взрыв балканского национализма сделал свое дело, но без соответствующих конституционных рамок ситуация была бы еще хуже.

Все эти общеизвестные факты я вспоминаю именно потому, что они не могли не повлиять на подготовку и реализацию общественно-экономической реформы 1965 г., а также всех других реформ, которые на нее опирались. В связи с этим следует особо сказать о национальном вопросе. В большей или меньшей степени он дал знать о себе открытым проявлением различных видов национализма и, в частности, конфронтацией двух направлений в экономической политике. Первое касается политики ускоренного развития менее развитых республик, которая, вообще говоря, широко приветствовалась населением. Второе касается режима распоряжения валютными средствами. Практически во всех республиках СФРЮ имел место национализм. Словенский же национа-

лизм начал наиболее ярко проявляться в бывшем государстве только в 80-е годы XX в.⁸ Но наибольший отпечаток на развитие многих событий в СФРЮ отложил сербский национализм. Это явление нельзя приписать исключительно тому факту, что речь идет о самой многочисленной нации; речь идет и о некоторых других обстоятельствах, в частности, об историческом наследии. С исторической точки зрения сербский национализм зиждился на двух постулатах. Первый – все сербы должны жить в едином государстве, и второй – Косово должно быть частью Сербии. Эти два требования в разное время создавали различные конфликтные ситуации не только в период существования бывшего общего государства, но даже сейчас.

В 1993 г. Институт общественных исследований в Женеве начал разрабатывать проект политики международного сообщества по отношению к государствам бывшей Югославии. Мне предложили участвовать в этом проекте, изложив мое видение проблемы. В работе я затронул проблемы Косово и пришел к выводу, что это не до конца ясная история, напоминающая историю отношений между Израилем и Палестиной, которая со временем весьма мучительно, но разрешится. Я также отметил, что по-настоящему козовская проблема нам еще только предстоит (я писал это в 1993 г.), а проблемы возникли лишь в 1999 г.⁹ Во всяком случае проблема Косово со всех точек зрения была и остается актуальной и особенно конфликтной. Имея многолетних друзей среди сербов и албанцев, я понимал всю сложность проблемы в свете ее сильного эмоционального накала.

Комплекс козовских проблем присутствовал всегда и в любых общественных начинаниях. Это касается подготовки и осуществления крупной югославской общественно-экономической реформы 1965 г. Глигоров, как глава упомянутого комитета по паритету динара, собрал всех наиболее известных экономистов, включая и сотрудников Экономического института в Загребе. Лично я в этом комитете представлял хорватскую экономическую науку, которая, как впрочем и вся экономическая наука, была весьма настроена на реформы. Многие ведущие ученые-экономисты из бывшего общего государства, особенно из Хорватии и Словении, собравшиеся вокруг Глигорова, продолжали свою реформаторскую деятельность вплоть до развала СФРЮ.

Некоторые параллели между СССР и Югославией также представляют определенный интерес. Внешние и внутренние причины должны были сдерживать цели и задачи реформы 1965 г., особенно касающиеся плюрализма и демократизации. Некоторые внешние причины мы уже отмечали. Это провал хрущевских реформ 1962 г. Об этом общественность СФРЮ не столь много знала, писала или говорила, но их итоги были ясны. Победу одержали противники рыночной экономики. И хотя определенные идейно-политические подвижки были сделаны – по крайней мере в науке – на практике это было не заметно. Уже в первые годы реформы последовал ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. и провал Пражской весны. Эти события сразу же наложили значительные ограничения на некоторые реформаторские требования, в частности, на требования плюрализма и демократизации.

В такой международной ситуации приходилось считаться с внешней опасностью. Противники рыночной экономики заявляли о себе все громче, пытаясь помешать начинаниям реформ в других странах реального социализма. Внутренние политические обстоятельства также не были особенно благоприятными для реформаторских начинаний. У нас в стране противники рынка никогда не действовали открыто, но постоянно выступали силы, опасавшиеся, что такие реформаторские подвижки могли повлиять на

⁸ Оказалось, что единый рынок в государстве с весьма значительной разницей в уровне развития его отдельных частей имеет разный экономический эффект. Титовская Югославия стартовала с коэффициентом неравенства (самая развитая Словения и самая бедная Косово) 4, а затем он возрос до 8. Это произошло вопреки весьма активной региональной политике и перераспределению средств в пользу менее развитых республик. См.: *Vojnic D. The Economic Dimension of Nationalism: The Case Study on Comparative Investment in Croatia. – Politics and Economics of Transition. Zagreb, 1993, p. 175–186.*

⁹ Подробнее см.: *Vojnic D. Disparity and Desintegration: The Economic Dimension of Yugoslavia's Demise. – Yugoslavia: the Former and the Future. Washington, 1995, p. 75–111.*

дальнейшую децентрализацию экономики и укрепление конфедерации в политической системе. Основные опасения подобного рода в полной мере относились к Косово.

Реформа началась в 1965 г., однако уже в 1966 г. последовал политический взрыв, вызванный подобными страхами и опасениями. Но он благополучно завершился. На брионском пленуме СКЮ был освобожден от своих обязанностей А. Ранкович, как главный носитель таких страхов. Здесь речь не шла о противнике рынка и боязни, что такие реформаторские начинания приведут к самостоятельности Косова. Я имел возможность лично беседовать с Ранковичем за два года до пленума, еще в 1964 г. Делегация ученых-экономистов из Югославии собиралась с визитом к итальянским коллегам. В Италии выражали готовность поддержать наши реформаторские начинания и выделить на это определенные финансовые средства. Наша делегация в составе В. Ракича (Босния и Герцеговина), З. Пьянича (Сербия) и Д. Войнича (Хорватия) взяла на себя функцию лоббирования среди известных итальянских ученых-экономистов, имеющих влияние и на политику. Во главе итальянских экономистов, принимавших участие в переговорах с нами, был профессор У. Папи, в то время ректор университета в Риме, у которого издавна были хорошие отношения с Ранковичем. В разговорах упоминалась группа экономистов в рамках подготовки миссии лоббирования в Риме, и в ней принимала участие супруга Ранковича – Славка (словенка по национальности), которая также была ученым-экономистом. Ранкович с большим интересом слушал и задавал вопросы, касающиеся подготовки и начала проведения реформы, и обещал помочь нам в нашем лоббировании. Два дня в Риме мы были гостями У. Папи, который подключил к беседе своих друзей. В ней принял участие наш посол в Риме – И. Войвода. Я говорю обо всем этом так подробно потому, чтобы на основе этих, казалось бы, не особо важных подробностей понять ситуацию в целом, в которой готовилась и проводилась реформа 1965 г.

В политических верхах идейный комплекс противников рыночных отношений был давно преодолен. Однако то, что влияло на замедление реформаторских подвижек, было напрямую связано с последствиями реформы в смысле укрепления рынка и децентрализованного принятия решений как общей предпосылки большей открытости миру и, в конечном счете, плюрализму и общей демократизации. Это особенно касается ярко выраженного стремления к общей конфедерации на основе таких конституционных изменений, в которых бы все больше проявлялся суверенитет республик как самостоятельных государств.

В этом направлении действовали все реформаторские силы, включая и первопроходцев, хотя некоторые из них, к сожалению, лично пострадали. Конституция 1974 г. разрабатывалась в условиях жесткой борьбы за реализацию соответствующих реформаторских подвижек, касающихся как экономической, так и политической системы. В этой связи отметим, что все события, происходившие при Тито и после его смерти, подтвердили его политическую прозорливость. Следует признать, что без того, что он успел сделать, не было бы современной Хорватии, и вообще взрыв балканского национализма привел бы к еще более трагическим последствиям.

Я в течение многих лет располагал достоверной информацией и, естественно, был свидетелем бурных событий 80-х годов XX в., которые начались во время косовского кризиса и в конечном счете закончились взрывом балканского национализма¹⁰. В начале 80-х годов было принято политическое решение о подготовке и осуществлении "Долгосрочной программы экономической стабилизации". Во главе группы ученых-экономистов и политиков, которая должна была подготовить эту программу и следить за ее реализацией, было три человека: С. Крайгер (первый председатель Президиума СКЮ после Тито), Глигоров и я. Лично я готовил тезисы для первого варианта документа "Исходные основы Долгосрочной программы экономической стабилизации", ставшие предметом многодневной дискуссии ведущих экономистов и политиков на острове Бриони. По сути, это было продолжение основных положений реформы 1965 г.

¹⁰ Подробнее см.: *Vojnic D. Economy in Transition. Zagreb, 1993.*

К реализации документа "Долгосрочной программы" было привлечено более 200 известных ученых-экономистов. Первый документ "Исходные основы Долгосрочной программы" был опубликован в 1982 г. До середины 80-х годов было издано еще восемь книг об отдельных аспектах "Долгосрочной программы". Реализация данной программы, имеющей общую политическую поддержку, встретила на своем пути много барьеров. Причины были и внутренними, и внешними.

В начале 80-х годов прошлого столетия возник так называемый долговой кризис. Он был вызван искусственно, поскольку иностранные обладатели крупного капитала рассчитывали, что Югославия после смерти Тито сразу развалится. Британский посол в СФРЮ Р. Болен пригласил на завтрак в свою резиденцию Крайгера на переговоры об этом искусственно созданном кризисе. Однако Крайгер решил, что будет лучше, если я заменю его на этом завтраке, поскольку я как ученый смогу говорить более непринужденно и свободно на эту тему. В самом начале завтрака, проходившем в посольской резиденции (за огромным столом были только посол и я), я задал ему вопрос, принял ли Запад советский тезис о естественном сотрудничестве между странами. Когда я спросил об этом, посол встал и ушел в свой кабинет, откуда принес мне ворох телеграмм, которые направлял своему правительству, убеждая его в том, что закрытие кредитных линий – это настоящее сумасшествие. Он сказал, что капитал ведет себя как дикий зверь, но уверял меня, что эта проблема будет решена. И действительно, сначала эта проблема была смягчена, а затем и решена. Кроме того, определенная напряженность между странами – членами СЭВ и все более проявляющийся кризис реального социализма создали дополнительные проблемы во внешнеторговом обмене и развитии в целом. Проблемы возникали и в процессе функционирования всей общественно-политической системы. За Конституцией 1974 г., по сути вводившей конфедеративные принципы устройства государства, в соответствии с которыми республики получали самые широкие полномочия, больше не стоял морально-политический авторитет Тито. Это очень затрудняло согласование макроэкономических решений. Таким образом, некоторые серьезные подвижки в осуществлении "Долгосрочной программы" произошли лишь в период, предшествовавший реформам.

Это случилось на исходе 80-х годов, когда во главе группы по реализации программы были А. Маркович, Глигоров и я. В описанной ситуации, касающейся функционирования всей экономической и политической системы, Маркович практически не имел реальной власти. Решения должны были приниматься на основе консенсуса. При их принятии должны были присутствовать все главы республик, что на практике становилось все более затруднительным. Реальная власть в центре существовала лишь в Югославской народной армии (ЮНА), которая все больше трансформировалась в сербскую национальную армию. Сербские политические структуры имели подавляющее влияние на всю политику, а особенно на монетарную. Такая ситуация не могла измениться даже тогда, когда председателем Президиума СКЮ стал С. Месич (хорват), который по должности становился Главнокомандующим ЮНА. Заметим, что главные политические функции выполняли хорваты и словенцы, но необходимые подвижки осуществлялись с большим трудом.

Напомню, что членами Президиума СКЮ были С. Шувар (хорват), С. Корошек (словенец), а во главе союзного правительства – А. Маркович (хорват). В такой ситуации хорваты и словенцы все-таки сориентировались и, по крайней мере, выполнили тот минимум, который мог быть выполнен. Председатель Комиссии по изменению Конституции Маркович заявил, что при конструктивном комментировании Конституции 1974 г. можно добиться плюрализма и демократизации. Корошек как секретарь ЦК СКЮ провел встречу в Экономическом институте в Загребе с группой ведущих политиков и экономистов, на которой были выработаны тезисы для так называемой Первой конференции СКЮ. Принятие этих тезисов открыло зеленый свет плюрализму и демократиза-

ции, но вопреки этому ситуация в стране продолжала осложняться. Все больше ощущалась опасность взрыва балканского национализма¹¹.

Первым идейно-теоретическим предвестником этого взрыва был националистический (просербский) меморандум Сербской академии наук и искусств (САНУ) 1986 г.¹² После этого последовали известные события в Косове, сопровождавшиеся возникновением "народных волнений", что в конечном счете привело к ликвидации статуса Края Косова и Воеводины, провозглашенного в Конституции 1974 г. Это и было концом Конституции 1974 г. и основанного на ней конфедеративного устройства. Однако здесь важно отметить, что в числе причин, обусловивших бурные события 80-х годов, все-таки самую большую роль сыграли те, которые были связаны с Косово.

Когда речь идет о Косове, то силу эмоционального накала даже среди самых известных косовских интеллектуалов могут понять только те, кто лично имел подходящий случай разговаривать на эту тему. Много лет я дружил с двумя весьма известными сербскими интеллектуалами учеными-экономистами. Один из них профессор М. Корач, известный в экономической среде как создатель так называемой доходной экономики, а другой – профессор Т. Влашкалич, который много лет возглавлял Союз коммунистов Сербии. Оба были большими друзьями нашего ведущего экономиста, профессора Я. Сиротковича. Когда во время одного из косовских кризисов Сироткович спросил Корача и Влашкалича, разве они не могли бы рассматривать Косово как отдельное самостоятельное государство, ответ был таким: "А почему бы тебе твой Книн (родное место Сиротковича) не отдать итальянцам". После такого ответа уже не было места для дискуссии. Невольно напрашивалось сравнение отношений косовских сербов и албанцев с отношениями между Израилем и Палестиной.

Ранее я упоминал о точке зрения левого британского лейбориста Бивена относительно того, что в условиях его страны самоуправленческий социализм вследствие более высокого уровня образования и демократических традиций в Англии был бы реализован успешнее. И это отвечало истине. Но точно и то, что Тито, даже в столь трудных условиях и при многочисленных противоречиях между республиками СФРЮ из-за различного уровня развития экономики, недостатка демократических традиций и разного исторического наследия, удалось создать такую модель функционирования общества, которая привлекла к себе внимание политиков и экономистов всего мира. Взрыв балканского национализма не позволил этой модели воплотиться в жизнь, но в целом ее позитивное значение следует признать.

¹¹ Последнее совещание экономистов Югославии, подготовленное нашим институтом, прошло в декабре 1990 г. Я призвал экономистов помочь своим республиканским правительствам в осуществлении конституционного права на суверенитет: *Aktuelne probleme ekonomske politike Jugoslavije*. Zagreb, 1990.

¹² Заседания Совета Центра югославо-американских исследований Государственного университета во Флориде проходили ежегодно в Таллахассе или в Загребе. Случилось так, что именно во время выхода меморандума САНУ заседание проходило в кабинете ректора университета в Белграде. Все члены Совета резко осудили и отвергли содержание меморандума. Самым жестким критиком был директор Центра Дж. Мацесич. Он не исключал возможность возникновения вооруженных конфликтов.